

ЩЕКОТКА В СВЕТЕ СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКИ И МИФОЛОГИИ (ПОЛЕСКИЕ ДАННЫЕ НА ОБЩЕСЛАВЯНСКОМ ФОНЕ)*

**Людмила Николаевна
Виноградова**

доктор филологических наук, ведущий
научный сотрудник, Институт
славяноведения Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334 Россия
Электронный адрес: lnv36@yandex.ru

**Александр Викторович
Гура**

доктор филологических наук, ведущий
научный сотрудник, Институт
славяноведения Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект,
32А, Москва, 119334 Россия
Электронный адрес: avgura@mail.ru

Аннотация

Авторы настоящей статьи предпринимают попытку раскрыть с помощью этнолингвистических методов символику щекотки как агрессивного поведения мифологических персонажей. Этот анализ выполнен на основе изучения полеской диалектной лексики и фразеологии, относящейся к этой демонологической функции, с привлечением широкого круга общеславянских лингвистических данных и значительного корпуса народных мифологических верований. Работа включает три тематических раздела: 1) терминология и способы номинации щекотки в славянских языках и диалектах; 2) щекотание как вредоносная функция нечистой силы, направленная на человека; 3) щекотание как действие мифологизированных животных, направленное на домашний скот. Что касается ареального аспекта, совмещение функций щекотания у русалки и ласки можно констатировать по крайней мере в двух зонах – в Полесье и Верхнем Поволжье. В языке и в традиционной культуре наблюдается сходство в соотношении и взаимодействии щекотания как тактильного воздействия и «щекотания» акустического, связанного с различными видами звуков, исходящих от живых существ (людей, животных, птиц, насекомых). В языке к названиям щекотки параллельно выстраивается ряд звукоподражательных глаголов, служащих для передачи звучания человеческой речи, криков животных, резких шумов, производимых людьми, и т. д., что свидетельствует о некоем взаимном притяжении между глагольными итеративами со значением интенсивного способа действия, относящимися, с одной стороны, к тактильной сфере, а с другой – к звуковой, акустической. В народной традиции мотив щекотания создает корреляцию между сильным физическим раздражением, которое ощущают люди и скот в результате назойливо повторяющихся действий мифологических

* Публикация подготовлена в рамках проекта РНФ № 17-18-01373 «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования».

персонажей (демонов и животных), и слуховым восприятием неугомонных, часто раздражающих криков и звуков животного происхождения, которыми наделяются фольклорные и некоторые демонологические персонажи.

Ключевые слова

Славянская диалектная лексика, народная терминология, мифологическая функция, щекотка, персонажи нечистой силы, русалка, ласка

Статья поступила в редакцию 13 ноября 2020 г.

Цитирование: *Виноградова Л. Н., Гура А. В.* Щекотка в свете славянской лексики и мифологии (полесские данные на общеславянском фоне) // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2021. Т. 16. № 1–2. С. 7–38. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.1-2.01>

TICKLING IN THE LIGHT OF SLAVIC VOCABULARY AND MYTHOLOGY (POLESIAN DATA ON A COMMON SLAVIC BACKGROUND)

Ljudmila N. Vinogradova

D.Sc., Lead Researcher, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334 Russia
E-mail: lnv36@yandex.ru

Aleksandr V. Gura

D.Sc., Lead Researcher, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334 Russia
E-mail: avgura@mail.ru

Abstract

The authors of this article attempt to reveal the symbolism of tickling as an aggressive behaviour of mythological characters using ethnolinguistic methods. This analysis is carried out on the basis of the study of Polesie dialectal vocabulary and phraseology related to this demonological function, with the involvement of a wide range of common Slavic linguistic data, and a significant body of folk mythological beliefs. The work includes three thematic sections: terminology and ways of nominating tickling in Slavic languages and dialects; tickling as a harmful function of evil spirits directed at a person; and tickling as an action of mythologized animals aimed at livestock. Geographically, the combination of the functions of tickling in a mermaid (rusalki) and a weasel can be observed in at least two regions – in Polesie and the Upper Volga. In the language and in traditional culture, there is a similarity in the ratio and interaction of tickling as a tactile action and acoustic “tickling” associated with various types of sounds emanating from living beings (people, animals, birds, and insects). In the language, a portion of onomatopoeic verb vocabulary is built in parallel to the words for tickling, which serve to convey the sounds of human speech, animal cries, sharp noises made by people, etc., which indicates a kind of mutual attraction between intense verb iterations related, on the one hand, to the tactile, and on the other, to the audible. In the folk tradition, the tickle motif creates a correlation between the strong physical irritation that mythological characters (demons and animals) inflict on people and livestock with their annoyingly repetitive actions, and

the auditory perception of restless, often annoying, cries and sounds of animal origin, which are endowed with folklore and some demonological characteristics.

Keywords

Slavic dialect lexicon, folk terminology, mythological function, characters of evil spirits

Received 13 November 2020

How to cite: Vinogradova, L.N., Gura, A.V., 2021. Shchekotka v svete slavianskoi leksiki i mifologii (polesskie dannye na obshch斯拉vianskom fone) [Tickling in the Light of Slavic Vocabulary and Mythology (Polesian Data on a Common Slavic Background)]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 16, no. 1–2, pp. 7–38. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.1-2.01>

1. ТЕРМИНОЛОГИЯ ЩЕКОТКИ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ И ДИАЛЕКТАХ

Щекотка представляет собой действие, направленное на определенный объект (человека или животное) и вызывающее нервное возбуждение путем тактильного раздражения кожи, а также ощущение от такого воздействия. Терминология щекотания в славянских языках и диалектах отличается разнообразием. Трудность установления этимологического родства слов этой семантической группы объясняется сложностью и запутанностью их лексико-семантических связей, в значительной степени обусловленной семантическим притяжением (аттракцией) созвучных слов и опосредованным влиянием звукоподражаний, что, в свою очередь, вызвано экспрессивностью этой лексики, а также интенсивностью и итеративностью (многократной повторяемостью) самого действия.

Самое известное нам обозначение щекотания представлено глаголом *щекотать*, имеющим соответствия в южнославянских языках (ц.-слав. *скъкътати*, рус. церк. *скокстати*¹, болг. *скóкотям*, макед. *скокотка*, серб.-хорв. *шкакљати*, *чкакљати* и несколько более удаленное от них словен. *ščegetati*), с исходным праславянским чередованием гласного *ъ/ь* в корне. Некоторые исследователи предполагают этимологическую связь данного наименования со звукоподражательными словами². К этим названиям щекотания фонетически близка группа карпатоукраинских глаголов с варьирующей основой, объединенных значением ‘щекотать’: буковин. *скоготати*, *скиготати*; буковин., гуцул., львов., тернопол. *скоботати* и т. п., буковин. *скуботати*, львов. *скубутати*;

¹ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М.: Русский язык, 1978–1980 (далее – Даль). Т. 4. С. 201.

² *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. 1–3. Zagreb: JAZU, 1971–1973. Knj. 3. S. 398.

закарпат. бойков., львов. *скомотати*, сев.-мармарош. *скомытати*³. Один из них – *скоботати* (имеющий кроме тактильного ‘щекотать’, еще и звуковое значение ‘стрекотать, верещать (о птице), каркать, квакать’⁴) – обнаруживает семантическое тяготение к созвучному ему *скоблити* ‘скоблить, скрести’, другие, *скуботати* и *скубутати*, – к *скубати*, *скубти* ‘ощипывать, щипать, драть (за волосы)’, а третьи, *скомотати* и *скомытати*, объединяются по значению со *скомтати* ‘зудеть, свербить’⁵.

Другие распространенные названия щекотания – *ласкотать* и *лоскотать*. Оба эти слова⁶ или, что более убедительно, только первое из них ставят в прямое родство с *ласкать*: рус. *ласкотать*, имеющее соответствие в других славянских языках, кроме южнославянских, рассматривается как глагол интенсивного способа действия от *ласкать*⁷, ср. аналогичную семантическую связь с ласканием в других наименованиях щекотания, например: кашуб. *lekśc* ‘щекотать; гладить, ласкать’, словац. новоград. *laskofiti* ‘щекотать; ласкать’, рус. пензен. *кузікатъ* ‘то же’⁸. Так же, как *ласкать* и *ласкотать*, соотносятся между собой глаголы *лоскать* и интенсивного способа действия – *лоскотать*. В качестве обозначения щекотки встречается лишь второй – в древнерусском, в некоторых южнорусских (воронежском, курском) и белорусских диалектах, в украинском, польском и лужицком языках. В то же время основной круг значений у этих глаголов, восходящих к **loskotati* и **loskati*, а также к связанному чередованием с последним глаголу **leskati* и его корреляту со значением

³ Словник буковинських говірок / за заг. ред. Н. В. Гуїванюк. Чернівці: Рута, 2005. С. 493, 495, 498, 665; *Негріч М.* Скарби гуцульського говору. Березові. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАНУ, 2008. С. 158; Гуцульські говірки. Короткий словник / відп. ред. Я. Закревська. Львів: Львівська обл. книжкова друкарня, 1997. С. 171; *Шило Г.* Наддністрянський регіональний словник. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАНУ, 2008. С. 240–241; *Николаев С. Л., Толстая М. Н.* Словарь карпатоукраинского торуньского говора с грамматическим очерком и образцами текстов. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2001. С. 167; *Сабадох І.* Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району. Ужгород: Ліра, 2008. С. 333.

⁴ Етимологічний словник української мови: в 7 т. / редкол. О. С. Мельничук (головний ред.) та ін. Т. 1–. Київ: Наукова думка, 1982– (далее – ЕСУМ). Т. 5. С. 277, 285.

⁵ См.: ЕСУМ. Т. 5. С. 277–278.

⁶ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М.: Прогресс, 1986–1987 (далее – Фасм.). Т. 2. С. 521; ЕСУМ. Т. 3. С. 291.

⁷ Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. Т. 1–. М.: Наука, 1974– (далее – ЭССЯ). Т. 14. С. 41; Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / уклад.: І. І. Лучыц-Федарэц, Г. А. Цыхун, Н. С. Шакун; гал. рэд. Г. А. Цыхун. Т. 1– (далее – ЭСБМ). Мінск: Навука і тэхніка: Беларуская навука, 1978–. Т. 5. С. 244–245.

⁸ *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Т. 1–7. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1967–1976 (далее – Sychta). Т. 3. S. 16; ЭССЯ. Т. 14. S. 41; Т. 16. S. 24.

интенсивного способа действия **leskotati*, лежит в звуковой сфере и относится к говорению и производимым шумам: болтать без умолку, пустословить, громко, резко говорить, браниться, чавкать, чмокать губами, лязгать зубами, шуметь, греметь, шлепать (хлопать плащмя) по воде, хлопать, ударять, бить, сильно стучать и т. д. (ср. также твер. *ласкотать* ‘пустословить’), из которых нам в дальнейшем важно будет значение ‘щелкать кнутом (бичом)’ и ‘трещать клювом (об аисте)’⁹. Глагол **loskotati* имеет звукоподражательную природу, показателем чего может служить, в частности, подвижный вокализм в корне (ср. пол. *loskotać* и *laskotać*)¹⁰.

Для некоторых названий щекотания в качестве мотивирующего действия выступает бодание, как в игре с маленьким ребенком, когда его щекочут, делая двумя пальцами рожки и приговаривая: «Идет коза рогатая...» У уральских казаков такая игра связана с барашком; играя в «барашки-курдашки» (оренбург. *курдашек* ‘маленький барашек, ягненок’), щекочут ребенка с приговором: «Бар, бар, барашки, золоты кудряшки»¹¹ (ср.: с боданием также связано название мифического существа *бодáй*, которым пугали детей в Вологодской обл.¹²). Соответствующие глаголы со значением ‘щекотать’ связаны по происхождению с названиями козы или, реже, козла. Одна такая лексическая группа сосредоточена главным образом в зоне белорусско-польского пограничья: пол. подляс. *kozytać*, бел. гроднен. *казычыць*, *казытаць* и *казытка* ‘щекотка’, бел. слущ. *казытаць*, рус. зап. *козытать*¹³. Другая группа – великорусская, охватывающая в основном южную и частично западную Россию. Первую подгруппу в ней, с корнем *коз-* (*куз-*), составляют прямые производные от *козы*: кур. *козюкать*, воронеж. *козякать*, *кузюкать*, калуж., кур., ростов., ставропол., кубан. *кузюкать*, пензен. *кузюкать*, калуж. *кузюкать*¹⁴. Во вторую подгруппу входят названия щекотания,

⁹ ЭССЯ. Т. 14. С. 41, 135–136; Т. 16. С. 80–82.

¹⁰ ЭССЯ. Т. 16. С. 82.

¹¹ Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Т. 1–3. Оренбург: Оренбургское кн. изд-во, 2002. Т. 2. С. 321.

¹² Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Т. 1–. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001–. Т. 1. С. 130.

¹³ *Karłowicz J. Słownik gwar polskich*. Т. 1–6. Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, Nakładem Akademii Umiejętności, 1900–1911 (далее – Karł.). Т. 2. S. 459; *Federowski M. Lud białoruski na Rusi litewskiej. Materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1891*. Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego; Nakładem Akademii Umiejętności, 1897. Т. 1: Wiara, wierzenia i przesady ludu z okolic Wołkowyska, Lida i Sokółki. S. 76; *Цыхун А. П. Скарбы народнай мовы (з лексічнай спадчыны насельнікаў Гродзенскага раёну)*. Гродна: Гродзенскі дзярж. ун-т імя Янкі Купалы, 1993. С. 64; ЭСБМ. Т. 4. С. 92; Даль. Т. 2. С. 132.

¹⁴ *Хильманович Г. И. Словарь курских народных говоров*. Бирск, 2017. С. 131; Словарь курских говоров / сост. Л. И. Ларина и др. Вып. 1–. Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ун-та,

производные от междометий, которыми подзывают коз (кур. *кы́за-кы́за*, смолен. *кы́зи-кы́зи*) или отгоняют их (смолен. *кызь*), а также от слов из языка детей или из языка взрослых при общении с детьми (псков. *кы́за*, воронеж. *кызя* ‘коза’; владимир. *кызя* ‘козел’; брян., кур. *кы́зя*, воронеж. *кы́зи*, мн., оренбург. *кы́зи*, мн. ‘козявка в носу’): кур. *кы́зюкать*, орлов. *кы́зюкаться*, смол. *кы́зюкать*, центр.-псков. *кы́зюкаться*, тул., брян., орлов., воронеж., смолен. *кы́зюкать*¹⁵. Восточнее, в говоре уральских казаков, с оренбург. *кы́зюкать* ‘щекотать’ географически «встречается» созвучный тюркизм *кызык* ‘смех, потеха’ (ср. татар. *кызык* ‘забавный, смешной, потешный’), между которыми, по всей видимости, возникает семантическое притяжение¹⁶.

Имеется еще одна модель наименования щекотания, когда в качестве производящих выступают междометия – возгласы, издаваемые тем, кто щекочет. Так, в кашубском от междометий *gěl! gěl! gěl!* (ср. аналогичные нем. *kille, kille!*), произносимых при щекотании, образуются глаголы *gělzëc, gilac, gilgac, gilnac, kilac* ‘щекотать’¹⁷. Сходные глаголы (в том числе их корреляты со значением интенсивного способа действия) в том же значении фиксируются в говорах западного украинского Полесья: волын. *гільгати, гількати, гельгати, гелькати, гільготати, гелготати, гольготати*, житомир. *гільгат, гильготам(ь)*, а также полес. (без указания места) *гольготать, гулькотать*, ровен. *гильгать*¹⁸. Этим названиям щекотания в украинских говорах близки и даже омонимичны производные от звукоподражаний крику гусей (*гел!, гель!*) или междометий отгона этих птиц (*гел!, гилья! гильа!*, покут. *гил!*, харьков. *гиль!*, рус. воронеж., кур. *гиль!*, воронеж. *гиль!*) глаголы, обозначающие гусиное гоготание:

1999–. Вып. 5. С. 116; Былички и бывальщины Воронежского края / сост. Т. Ф. Пухова. Воронеж: ВГУ, 2008. С. 249, 381; Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. Вып. 1–. М.; Л.: Наука, 1965– (далее – СРНГ). Вып. 14. С. 79; Вып. 16. С. 24, 27–28.

¹⁵ СРНГ. Вып. 13. С. 203; Вып. 16. С. 200; Словарь смоленских говоров / под ред. А. И. Ивановой. Вып. 1–11. Смоленск: СГПУ, 1974–2005 (далее – ССГ). Вып. 5. С. 145; Мусеев Б. А. Оренбургский областной словарь. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. С. 61; Словарь курских говоров / сост. Л. И. Ларина и др. Вып. 1–. Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 1999–. Вып. 5. С. 35.

¹⁶ Малеча Н. М. Словарь говоров... Т. 2. С. 334.

¹⁷ Sychta. Т. 1. S. 318; Т. 2. S. 155; Karł. Т. 2. S. 51, 77.

¹⁸ Виноградова Л. Н., Добровольская В. Е. Щекотать // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С. 588; Народная демонология Полесья. Публикации текстов в записях 80–90-х годов XX века / сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. М.: Издательский Дом ЯСК, 2012 (далее – НДП). Т. 2: Демонологизация умерших людей. С. 771; Аркушин Г. Л. Словник західнополіських говірок. Т. 1–2. Луцьк: Вежа, 2000 (далее – Аркушин). Т. 1. С. 99, 119. Лисенко П. С. Словник поліських говірок. Київ: Наукова думка, 1974. С. 63.

гелтати, гелкотати, гелготити, полес. *гильготать*, волын. *гелготати*, ровен. *гелготати, гелгетить*, харьков. *гилькотити*¹⁹. Фонетическая близость приведенных названий гусяного крика с названиями щекотания поддерживается и другими случаями языкового сближения таких звуков с щекоткой (ср. чернигов. *щекетать* ‘тихо гоготать (о гусях)’²⁰), связью тех и других действий со смехом (вызываемым щекоткой либо напоминающим гусиные крики, ср. *хохотать* и *гоготать*), а также клювом, воспринимаемым народным сознанием как орган, задействованный не только в щипании как действию, наиболее близком к щекотанию, но и в голосообразовании.

У гуцулов при щекотании используется возглас *гзір!* («гзіг») – «междометие, изображающее щекотание», а щекотание передается производным глаголом *гзігати* («гзігати»), а также глаголами *гидзігати, гідзігати, гадзігати, гедзати*²¹, сходными с производными от *гедз(ь)* (**gъzъ*) ‘овод, слепень’ и имеющими другое значение – ‘бегать от укусов оводов (о скоте)’: укр. *гедзитися, гедзатися, гецатися, гедзгатися, гедзкатися, гезкатисе, гзітисся*²². По всей видимости, не только последняя глагольная группа, но и первая, гуцульская, так или иначе – изначально или в результате позднейшего семантического сближения и взаимодействия – связаны с укусами оводов и семантически уподобляют щекотание уколам жалом или коллочками растений, чему есть и другие примеры, ср.: *стрекать* ‘трогать, тыкать, щекотать пальцем (пальцами) кого-либо’ (архангел.) и ‘колоть, жалить, обжигать чем-либо колющим, жгучим’ (твер., брян.), ‘вызывать жжение, зуд у кого-л., обжигать (о крапиве)’ (архангел., рязан., урал.), твер. *стрек, стрёк* ‘овод, слепень’; твер., псков., тамбов. *стрекотать* ‘щекотать, вызывать зуд (о соринке в одежде, прилегающей к телу,

¹⁹ Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Киевская старина». Т. 1–4. Київ: Видавництво АН УРСР, 1958–1959. Т. 1. С. 282–283, 348, 491; ЕСУМ. Т. 1. С. 491, 506; СРНГ. Вып. 6. С. 172; Вып. 7. С. 252; Аркушин. Т. 1. С. 87, 119; НДП. С. 771.

²⁰ Лисенко П. С. Словник поліських говорів. С. 237.

²¹ Дзензелівський Й. О., Ганудель З. Словник української мови Я. Ф. Головацького. Матеріали для словаря Малорусского нарѣчія, собранна въ Галиціи и въ Сѣверовосточной Венгріи Яковомъ Федоровичемъ Головацкимъ, публичнымъ ординарнымъ профессоромъ русской Словесности въ цѣсарскомъ королевскомъ Львовскомъ Университетѣ // Науковий збірник Музею української культури у Свиднику. № 10. 1982. С. 502; Гуцульські говірки. Короткий словник / відп. ред. Я. Закревська. Львів: Львівська обл. книжкова друкарня, 1997. С. 50, 52, 171; *Неприч* М. Скарби... С. 56.

²² Дзензелівський Й. О., Ганудель З. Словник... С. 502; Гринченко Б. Д. Словарь... Т. 1. С. 347–348; Дуда І. Лемківський словник. Тернопіль: Астон, 2011. С. 100; ЕСУМ. Т. 1. С. 489; ЭССЯ. Т. 7. С. 215, 224.

о крапиве и т. п.)' и укр. *стрекотати*, *стрекотіти* 'жалить подобно крапиве'²³.

Таковую же звукоподражательную природу и этимологическую связь с междометными возгласами при щекотании имеют глаголы с опорным сочетанием согласных *k – t* в корне. Места фиксации таких названий щекотания разбросаны точечно или отдельными островками на восточно- и западно-славянской территории, как, впрочем, и далеко за пределами распространения славянских языков. Одно место локализации таких образований – Малопольша, где в Ропчицах бывшего Жешовского воеводства известен глагол *kitkać* 'щекотать'²⁴. На украинской территории без указания места отмечается (по-видимому, как галицкое) *кіткати* в том же значении²⁵. В лемковских говорах ему соответствует *kitkáti* и имеются также созвучные ему синонимичные *гытkáti* и *гедkáti*²⁶. В западном белорусском Полесье, в говоре Дрогичинского р-на Брестской обл. встречается название щекотания *кыцікатэ* (*кыцікаты*)²⁷. В белозерском говоре Новгородской губ. (совр. Вологодской обл.) зафиксировано *кыткать* 'щекотать' и *кытко* 'щекотно'²⁸. Особую лексическую группу, распространенную в западной части Русского Севера, образуют другие, несколько отличные от них названия щекотания – с тем же сочетанием согласных *k – t* в основе, но с дополнительным включением в нее шипящих: вологод. череповец. *китышать*, архангел. *котычить*, новгород. *котышиить*, олонец., перм. *котышкать*, новгород. (вологод.) белозер., олонец. *катышкать* и олонец. *катышкать*, новгород., олонец., архангел., перм. *кутышкать*²⁹ (анафонические образования от *щекотать / щекотит*: *щ* [ш, ч], *е* [ы], *к*, *о* [о, а], *т*, *а/и*, *ть*), а также примыкающие к ним фонетически близкие образования с метатезой зубного

²³ СРНГ. Вып. 41. С. 306, 308, 311; *Білецький-Носенко П.* Словник української мови. Київ: Наукова думка, 1966. С. 342.

²⁴ Karł. T. 2. S. 358.

²⁵ Малоруско-німецкий словарь / уложив С. Желеховский. Львів: Друк. Т-ва им. Шевченка, 1886. Т. 1. С. 346; ЕСУМ. Т. 2. С. 451.

²⁶ *Дуда І.* Лемківський словник. С. 187.

²⁷ Дыялектны слоўнік Брэстчыны / склад. Аляхновіч М. М. і інш. Мінск: Навука і тэхніка, 1989. С. 95; *Клімчук Ф. Д.* Заходнепалескія русалкі // Праблемы ўсходнеславянскай этналінгвістыкі. Матэрыялы Першай міжнароднай навуковай канферэнцыі. Памяці этналінгвіста-славіста акадэміка Расійскай, Македонскай і Аўстрыйскай акадэміі навук Мікіты Талстога да 80-годдзя з дня нараджэння / уклад. В. Ліцьвінка. Мінск: БДУ, 2003. С. 217; НДП. С. 556, № 359.

²⁸ СРНГ. Вып. 16. С. 206.

²⁹ СРНГ. Вып. 13. С. 243; Вып. 15. С. 117; Вып. 16. С. 117; Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994–. Вып. 3. С. 77; Фасм. Т. 2. С. 435.

и шипящего, сближающиеся с соседними финно-угорскими названиями (ср. карельск. *kučutta*, вепс. *kušūtada*³⁰): олонец. *кушутать*, олонец., архангел. *кучимать* и карел. *кучимать*, ленинград. *кучатать*, олонец. *кучутать*, *кучетать* и т. п. и их производные ленинград. *кучатка*, олонец. *кучитка*, *кучотка* ‘щекотка’, ленинград. *кучатно*, архангел. *кученно* ‘щекотно’³¹. Звукосочетание *k – t* (и «озвонченное» *g – d*, как в болг. *гъдел* ‘щекотка’ от возгласа *гъди-гъди-гъди!* при щекотании ребенка) составляет звукоподражательную основу для наименований щекотки в самых разных языках: ср. нем. *kitzeln*, англ. *kittle*, фин. *kutittaa*, эстон. *kutistama*, латыш. *kutināt*, литов. *kutenti*, татар. *кытык*, узбек. *qitiq*, турец. *gidiklamak* (при *gidik* ‘подбородок’), албан. *gudulis*, румын. *gădilă*, а также соответствующие возгласы-междометия при щекотании ребенка у казахов, армян и т. д.³² Поэтому не всегда стоит, на наш взгляд, объяснять сходство между такими словами этимологическим родством или заимствованиями (на что ссылаются некоторые словари), а следует видеть в подобных образованиях прежде всего типологическую общность.

2. ЩЕКОТАНИЕ КАК ВРЕДОНОСНАЯ ФУНКЦИЯ НЕЧИСТОЙ СИЛЫ, НАПРАВЛЕННАЯ НА ЧЕЛОВЕКА

В длинном списке злокозненных по отношению к человеку действий со стороны мифических существ особым образом выделяется щекотание своей жертвы, вредоносный характер которого остается труднообъяснимым для исследователей и никак не проясненным в текстах народной культуры. Поскольку в ситуации межличностных контактов людей друг с другом щекотка воспринимается как вид игрового поведения и сопровождается взрывами смеха, остается малопонятным, почему в народной демонологии это действие осмысляется как угрожающее и крайне

³⁰ Фасм. Т. 2. С. 438.

³¹ СРНГ. Вып. 16. С. 188, 190, 193–194, 196; Словарь русских говоров Карелии... Вып. 3. С. 79–80.

³² В 1920-е гг. русский востоковед, этнограф М. С. Андреев писал, что игры-потешки типа русской «Сороки» встречаются у многих других народов. Например, в Ташкентском уезде у киргизов-казахов (то есть казахов) взрослый крутит пальцем по ладони малыша, приговаривая: «Большой палец. Средний тополь. Утка с утятами. Струя воды. Маленький ребенок». Потом трогает ладонь: «Здесь масло», запястье: «Здесь сыр», предплечье: «Здесь сласти», сгиб локтя: «Здесь рисовая шелуха». Затем щекочет ребенка под мышкой, приговаривая: «Кытик, кытик, кытик!» (Народные игры с пальчиками // Иконы и техника иконописания. URL: https://www.ukoha.ru/article/babylogo/narodnye_igry_s_pal4ikami.htm (дата обращения: 19.12.2020). Несколько иной перевод см.: Сорока // Живой Журнал. URL: <https://mihtimak.livejournal.com/48607.html> (дата обращения: 19.12.2020).

опасное для объекта нападения³³. В ходе длительных дискуссий о природе смеха специалисты-психологи пришли к заключению, что нервный истерический смех от щекотки (рефлекторная реакция при тактильном воздействии на кожу) может быть противопоставлен смеху как выражению эмоций по признаку вредоносности, присущей первому из них, и может восприниматься как подлинное насилие над человеком³⁴.

В качестве субъекта действия щекотания людей в полесской мифологии выступает исключительно русалка. Кроме того, аналогичное действие, направленное на домашний скот, приписывается такому мифологизированному животному, как ласка (см. об этом ниже).

Полесская народная терминология и ее географическая проекция. Самым распространенным в Полесье словом со значением 'щекотать' выступает глагол *лоскотать*, особенно характерный для украинских областей; ср. ровен.: «[Русалки могут] *залоскотаты*, они сильно *лоскочут*, ужэ ж людына *лоскуту* боица»; гомел.: «Она *лоскочэ*, *лоскочэ* и можэ *залоскотать* до смерти»³⁵. А фонетические варианты этого же глагола – *слокотать* или *шлокотать* – известны преимущественно в центральном Полесье; ср. гомел.: «Человека если убачат, будут *шлекотать* и *защлекочут*»; гомел.: «Русалка *зашлокочвае*, *шлокочэ-шлокочэ* человека, и можэш померти»³⁶. На крайнем восточном пограничье региона эти формы встречаются лишь спорадически, уступая место глаголам *шчэкотать*, *защчэкотать*; ср. брян.: «Как солнце сядет, воны людей *защчэкочывають*»³⁷. В западных районах изучаемой зоны в значении 'щекотать' используются глаголы *гольготать* / *гульготать*; ср. волын.: «Русалки *загульготаты* дытыну»; брест.: «*Заголькочуть* под рукамы, есьли поймають чэловека»³⁸. Эти же формы зафиксированы в Ровенском и Киевском Полесье³⁹. Сравнительно редко в Брестской области встречаются лексемы *кыцікать* / *закыцікать*; ср.: «Русалки можуть *закыцікаты*»⁴⁰; «Русалки в жыты, до тыбэ выхватецьця да *закыцікають*»⁴¹.

³³ О запретах щекотать людей в игровой ситуации см.: Добровольская В. Е. Щекотка: культурные смыслы и правила (по материалам Центральной России) // Антропологический форум. 2011. № 14. С. 268–289.

³⁴ Козинцев А. Г. Об истоках антиповедения, смеха и юмора (Этюд о щекотке) // Смех: истоки и функции. СПб.: Наука, 2002. С. 37.

³⁵ НДП. С. 559, № 376; с. 558, № 369.

³⁶ Там же. С. 557, № 362; с. 558, № 371.

³⁷ Там же. С. 575, № 437.

³⁸ Там же. С. 559, № 374; с. 495, № 103.

³⁹ Галайчук В. Українська міфологія. Харків: Клуб сімейного дозвілля, 2016. С. 160.

⁴⁰ НДП. С. 556, № 359.

⁴¹ Клімчук Ф. Д. Заходнепалескія русалкі. С. 217.

По единичным свидетельствам, в Ветковском р-не Гомельской обл. в аналогичном значении использовался глагол *стрыкотаты*; ср.: «Русаўки з жалезнымі щыцькамі, паймают і *застрыкочуть*»⁴².

За пределами Полесья действие щекотания обозначается (кроме общеизвестных терминов *щекотать*, *лоскотать*) глаголами: бел. гроднен. *казычыць*, рус. орлов., воронеж. *кызікать*⁴³ и т. п. (см. выше), а также некоторыми другими: [русалка] *шлокоче* (бел. витеб.), *шалокчит* (рус. орлов.), *шыликает* (краснодар.); *скобоче* (укр. харьков.) и др. В Воронежской обл. запугивали детей косматой зубатой русалкой: «Поймает и будет вас *козякать*»⁴⁴.

Поскольку щекотание – это не только одно из характерных злокозненных действий русалок, но и их главный опознавательный признак, вариантами названий русалки часто выступают мифонимы типа: *лоскотуха* (укр. чернигов., волын., житомир.), *лоскотница* (укр. харьков.), *laskotka* (пол. люблин., хелм.), *казытка* (бел. диал., пол. подляс.), *щекоталка* (рус. рязан.), *щекотуха* (рус. орлов.) и т. п.⁴⁵

Для семантической реконструкции подобных глаголов большой интерес представляют также действия, сопутствующие щекотанию, которые описываются как однозначно вредоносные, например: *задушат*, *залоскочуть*; *людину гильгае, аж задушит*; *русалка валяе и шлокочэ; залоскочуть, замучывають; ў жыци находзили дзецей зашлакочаных – русалка задавила*⁴⁶; *мучают, лоскочат, щиплют, кусают* (полес. чернигов.⁴⁷). В одном из рассказов, записанных в Полесском р-не Киевской обл., описывается ситуация, когда в нарушение запрета работать в поле на Русальной неделе женщина пропалывала грядки, оставив своего ребенка неподалеку, и вдруг слышит: «Те дитятко кричит, – русалка коло його вже загульгочуе, гульгоче»; мать прибежала на крик и видит: «лежит дитя сине, чорне – русалки загульготали. Вскрузь сине – *пощипали* його, те дитя, *покусали*»⁴⁸. Из этого сообщения остается непонятным, погиб ли младенец от щекотки или от щипков и укусов. Все эти

⁴² НДП. С. 684, № 868.

⁴³ Зеленин Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии. М.: Индрик, 1995. Вып. 1: Умершие неестественной смертью и русалки. С. 197; СРНГ. Вып. 16. С. 200.

⁴⁴ Былички и бывальщины Воронежского края. С. 249.

⁴⁵ Зеленин Д. К. Избранные труды... С. 147, 306; Виноградова Л. Н., Добровольская В. Е. Щекотать. С. 588.

⁴⁶ Полесский архив Института славяноведения РАН (Москва).

⁴⁷ Зеленин Д. К. Избранные труды... С. 166.

⁴⁸ Галайчук В. Демонологічні уявлення Середнього Полісся про русалок // Вісник Львівського університету. Серія історична. Вип. 43. 2008. С. 371–372.

сопутствующие действия позволяют воссоздать общий контекст щекотания как весьма агрессивного поведения русалки, наказывающей людей за неправильное поведение.

Трудно определить, выступают ли в качестве синонимов к глаголу *щекотать* такие лексемы, как *защчыпáть* и *защкрестí*, или они используются для обозначения других действий русалки, сопутствующих щекотанию ('щипать', 'скрести'); ср.: «Як челавека ани захвáтыць ешчо да двенацати [часов дня], дак яни яго *защкрэбуть*»; «...могли *защчэпáць* нáсмерть»⁴⁹. В некоторых текстах используются оба глагола как равнозначные; ср.: «Нападе на чоловика, дак *защчыплюць, заляскочуть*»⁵⁰.

Степень опасности щекотки отражается в многочисленных устойчивых выражениях типа «щекотать до смерти»: русалки могли *защчэпáць нáсмерть*; *залоскóчуть аж до смерти*; *так гилгóчуть, пока не умрэш*; *русалка шлукóчэ вельми, дак кончышся*; *з лóскату, кажут, людына умирае*; *шчэкотала она [людей] до тых пор, покуль не погинули*, и т. п. Такая же устойчивая формула *rusauka łoskocze na śmierć* характерна для поверий польского Подлясья и западных районов Люблинского воеводства⁵¹. Ощущения от щекотки иногда сравниваются с муравьиной беготней по телу человека: «Русалки излóвят и зашлокóчут, *яко мурашки*» (гомел.). Интенсивность щекотания часто определяется в текстах способом удвоения глагола: «Давай дытыну *лоскотаты-лоскотаты*»; «*Шлокóчэ-шлокóчэ*»; «Будут *щлекотáть-щлекотáть* и *защлекóчут*»; «Росалкы ей *заслокóчылы-заслокотáлы* до смэрти» и т. п.

Таким же способом изображается интенсивность и длительность истерического смеха жертвы щекотания: «Чоловек *рогóчэт-рогóчэт*, да и спасения нема»; «Як началí лоскотать, дак яна [женщина] *рягóчэ, да рягóчэ, да рягóчэ*»; «Каторый жэ баицца шчакóтки да *рагóчэ, рагóчэ* – можэ и умэрти»⁵². Либо реакцией человека на щекотание является громкий нервный смех, крик, визг: «[Русалки щекочут грудного ребенка] а воно *вижжыт* нэ своим духом, кончаецца»⁵³. Повсеместно в Полесье поведение человека в момент щекотания описывается как паническое, истерическое и воспринимается как мучение. Согласно единичным

⁴⁹ НДП. С. 482, № 27; с. 558, № 372.

⁵⁰ Там же. С. 562, № 391.

⁵¹ *Baranowski B.* W kręgu upiórów i wilkołaków. Łódź: Wydawnictwo Łódzkie, 1981. S. 97; *Pelka L. J.* Polska demonologia ludowa. Wrocław: Iskry, 1987. S. 102–103.

⁵² НДП. С. 561, № 388; с. 562, № 389; с. 647, № 674.

⁵³ Там же. С. 592, № 489.

сообщениям, в момент нападения на свою жертву сами русалки могут быть невидимыми для людей, а наблюдатели видят лишь конвульсии смеющегося до упада человека, который либо гибнет, либо сходит с ума.

Мифологические поверья. Чаще всего в диалектных текстах не обозначены конкретные зоны на теле человека, подвергнувшегося щекотке, лишь иногда встречаются уточнения: «загольгочуть человека *под руками*» (брест.); «шлокочэ *пуд рукамы*» (гомел.). В некоторых белорусских поверьях описывается еще такой экзотический способ нанесения вреда, как щекотание ребенка своими огромными грудями: «Русалкі як зловяць, так заласкочуць (заказычуць) цыцкамі»⁵⁴. Аналогичным образом вела себя *лобаста*, персонаж поверий Кизлярского отдела Терской области: она захватывает людей, проходящих мимо ее жилища, затаскивает в болото и щекочет сосками своих грудей, иногда даже до смерти⁵⁵. Жители украинского Причерноморья вредоносность щекотания представляли себе так, что русалки якобы хватают человека сзади под мышки и щекочут, заставляя его хохотать до тех пор, пока он не падает в обморок⁵⁶.

Таким образом, губительным для людей оказывается чаще всего смех до полного изнеможения. Вот как описывается этот процесс в южнорусских поверьях: «Сначала человек от этой щекотки или подошвы, или под мышками смеется, а потом смеется, смеется, смеется – и у него пропадают силы, и он умирает» (самар.); поймав человека, русалки «лоскочут его; от этого человек сначала хохочет, потом истомляется и почти всегда умирает» (воронеж.)⁵⁷. В соответствии с наблюдениями нейрофизиологов, механизмы бурного смеха действительно блокируют и речь, и мысль, и действия объекта щекотания, вызывая тем самым временную физическую беспомощность и безвольность смеющегося человека⁵⁸. По-видимому, именно этого состояния своей жертвы – неспособности к сопротивлению – и добиваются, по народным представлениям, демонические существа. Однако известно, что бурный смех – это свойство, принадлежащее исключительно человеку, а между тем щекотание как вредоносная мифологическая функция приписывается в народной

⁵⁴ ЭСБМ. Т. 4. С. 94–95.

⁵⁵ Зеленин Д. К. Избранные труды... С. 177.

⁵⁶ Там же. С. 156.

⁵⁷ Самоделова Е. А. Русалки в Центральной России // Palaeoslavica. 2007. Vol. 15. № 1. Р. 273; Раевский А. Некоторые малороссийские поверья [Острогского у. Воронежской губ.] // Суеверия и предрассудки крестьян Воронежской губернии. Хрестоматия / сост., вступ. ст. и прим. Г. Н. Мокшина. Воронеж: Истоки, 2013. С. 123.

⁵⁸ Козинцев А. Г. Об истоках антиповедения... С. 29, 35.

культуре также и ласке, мучающей аналогичным способом домашнюю скотину. По-видимому, механизм вредоносного воздействия щекотки на животных заключается в чем-то другом, что трудно поддается определению на основе народных свидетельств.

В разных мифологических традициях восточных славян субъектами щекотания выступают кроме русалок некоторые другие персонажи нечистой силы. Там, где сохраняются представления о происхождении русалок из душ некрещеных детей, способность защекотать человека приписывается именно этим духам (укр. львов.)⁵⁹. Крайне редко эта же функция выступает в наборе признаков таких демонологических персонажей, которые обнаруживают отдаленное сходство с русалками. Например, склонность к щекотанию людей отмечается в карпатоукраинских поверьях о «мавках», «богинях», «лесницах» – женских мифических существах, появляющихся в дневное время в природных локусах. О них говорится, что они танцуют в злаковом поле, хлопают в ладоши, нападают на встречных, «заскобочуют» их на смерть⁶⁰. По северо-западным русским данным, *полудницы* появлялись в полдень, следя за тем, чтобы люди не работали в это время суток; кого встретят, «щокотом защекотят до смерти»⁶¹. Способностью щекотать спящих детей иногда наделяется *кикимора* (вологод.)⁶². К числу крайне редких относится сообщение о том, что принявшая облик свиньи ведьма может защекотать человека; чтобы избежать этого, надо ударить по тени этого животного правой рукой⁶³.

Из числа мужских персонажей функция щекотания приписывается иногда (по единичным свидетельствам) ходячим покойникам. По одному из украинских гуцульских рассказов, на проходившую поздно вечером мимо кладбища бабу напал мертвец и «заскоботал» ее до смерти; умерший муж навещает по ночам свою жену, ложится с ней, «лоскоче її і щипає»⁶⁴. Этим же способом вредят человеку черти, которые в виде

⁵⁹ *Biegeleisen H.* Matka i dziecko w obrzędach, wierzeniach i praktykach ludu polskiego. Lwów: Ateneum, 1927. S. 229; *Буйських Ю. С.* «Колись русалки по землі ходили...» Жіночі образи української міфології. Харків: Клуб сімейного дозвілля, 2018. С. 183.

⁶⁰ *Гнатюк В.* Нарис української міфології. Львів: Інститут народознавства НАНУ, 2000. С. 124.

⁶¹ *Померанцева Э. В.* Межэтническая общность поверий и быличек о полуднице // Славянский и балканский фольклор. Генезис. Архаика. Традиции / отв. ред. И. М. Шептунов. М.: Наука, 1978. С. 148.

⁶² *Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1903. С. 66.

⁶³ Былички и бывальщины. Старозаветные рассказы, записанные в Прикамье / сост. К. Шумов. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1991. С. 274–276.

⁶⁴ *Гнатюк В.* Знадоби до української демонології // Етнографічний збірник. Львів: Етнографічна комісія Наукового товариства імені Шевченка, 1912. Т. 33. С. 131, № 223; Т. 34. С. 9, № 577.

деревенских парней приходили на вечерку и, напав на девчат, так щекотали их, «що дівчата ни могли зібрати си з духом, щоб уतिकати од їх». Потом девки долго лежали по домам больные, потому что вся кожа на них была разорвана чертями⁶⁵. Согласно белорусским поверьям, домовый (*хатнік*) ночью может щекотать (*казытаць*) сонных людей или прятать нужные им вещи⁶⁶. В ряде случаев это же вредоносное действие приписывалось русскому домовому: «Домовой мог смельчака защекотать и защипать почти на смерть» (владимир.)⁶⁷, а также *шуликунам*: «Шликуны защекачивали людей до смерти» (архангел.)⁶⁸.

Но чаще всего в восточнославянской мифологии функция щекотания приписывается (из числа мужских персонажей) лесным духам. В южнорусской демонологии мотив «леший щекочет человека» зафиксирован в Тульской, Пензенской, Саратовской, Нижегородской областях. Для обозначения этого персонажа часто используется мифоним *щекотунчик*⁶⁹. В мифологии Нижегородского Поволжья это вредоносное по отношению к людям действие лишь изредка соотносится с русалками, гораздо чаще оно характеризует поведение лесного духа, которого называли *дедушка-щекотун*⁷⁰. Вообще в нижегородской региональной традиции щекотание до смерти – это один из весьма популярных мотивов в наборе признаков разных персонажей: русалки, домового, лешего, проклятых детей, уведенных нечистой силой. В Городецком р-не Нижегородской обл. зафиксированы представления об особом типе мифических существ, называемых *щекотунчики* или *волосатики*. Они изображаются как очень косматые существа маленького роста, преследующие людей в лесу и поле; их злонамеренные действия сводятся исключительно к щекотанию встреченных людей⁷¹. Сходный тип номинации отмечается и в саратовских поверьях о неких «дикеньких мужичках», то есть лесных мифических существах, леших малого роста: «Малых леших, в отличие от больших, называют дикарями или

⁶⁵ Гнатюк В. Знадобы... Т. 33. С. 36, № 116.

⁶⁶ Лобач У. Хатнік // Беларуская мифалогія / навук. рэд. С. І. Санько. Энциклапедычны слоўнік. Мінск: Беларусь, 2004. С. 530.

⁶⁷ СРНГ. Вып. 6. С. 335.

⁶⁸ Там же. Вып. 11. С. 196.

⁶⁹ Титова О. Ю. Ареальное исследование мифологических представлений русских Центрального Черноземья (конец XIX – нач. XXI в.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. С. 82.

⁷⁰ Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья / сост. К. Е. Корепова, Н. Б. Хромова, Ю. М. Шеваренкова. СПб.: Тропа Троянова, 2007. С. 73.

⁷¹ Там же. С. 203, 400.

щекотунами»⁷². Аналогичным образом вредит людям леший, происхождение которого связано с «проклятыми людьми» (саратов.)⁷³. Для севернорусского лешего функция щекотания в целом не характерна и, хотя иногда она фиксируется в наборе признаков этого персонажа (например, в поверьях крестьян Архангельской губ.⁷⁴), может иметь и иной смысл – акустический. Так, леший, по рассказам, «сорокой щокочет и жерепцом на всяки виды, <...> наперво щокотал, а потом заржало...» (архангел.)⁷⁵. Это ценное свидетельство подтверждает, что для севернорусской традиции функция лешего *щекотать* могла пониматься как ‘оглушать криками’.

Мотив щекотания иногда выступает и в севернорусских лечебных заговорах от детской болезни, которая выражается в непрерывном ночном плаче грудного младенца. В них врачеватель обращается к духу болезни – *щекотихе-будихе* – с просьбой не щекотать ребенка, оставить его в покое⁷⁶. Однако этот фольклорный персонаж заговорной традиции не находит своего отражения в мифологических верованиях. Единственными источниками знаний о них выступают, во-первых, сами названия болезни (*полуночица-щекотунья*), указывающие на функцию щекотания, и, во-вторых, содержание заговоров от этого недуга. А в них термин *щекотун* (как название болезни) постоянно упоминается в ряду таких вариантов, для которых характерна акустическая семантика: *ревун, вопун, крикун, щекотун*⁷⁷. Ночной плач у детей на Русском Севере мог называться *Крикса, Крикливица, Ревун, Вопун, Щекотун*⁷⁸. Эпитетами к слову *щекотуха* тоже часто выступают слова со значением звучащей речи или птичьего щебетания: *щекотуха-лепетуха, щекотуха-щебетунья*⁷⁹.

⁷² Власова М. Н. Русские суеверия. Энциклопедический словарь. СПб.: Азбука, 1998. С. 138; Зеленин Д. К. Описание рукописей Ученого архива Имп. Русского географического общества. Пг.: Имп. рус. геогр. о-во, 1916. Вып. 3. С. 1259.

⁷³ Минх А. Н. Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии. Собраны в 1851–1888 годах. Саратов: Саратовский областной методический центр культуры и творчества, 1994. С. 20.

⁷⁴ Ефименко П. С. Демонология жителей Архангельской губернии // Памятная книжка Архангельской губернии на 1864 год. Архангельск: Тип. Губ. правления, 1864. С. 51.

⁷⁵ Богатырев П. Г. Верования великорусов Шенкурского уезда // Этнографическое обозрение. 1916. № 3–4. С. 49.

⁷⁶ Русские заговоры и заклинания / под ред. В. П. Аникина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. С. 46. № 83.

⁷⁷ Попов Г. Русская народно-бытовая медицина. По материалам Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1903. С. 24; Власова М. Н. Русские суеверия. С. 570–571.

⁷⁸ Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. С. 43.

⁷⁹ Попов Г. Русская народно-бытовая медицина. С. 24; Русские заговоры и заклинания. С. 47.

Всё это позволяет поставить под сомнение тот факт, что термины *щекотун*, *щекотуха* в данных заговорах изначально соотносились с действием щекотания как тактильного воздействия на кожу человека, а не входили в ряд глаголов звуковой семантики. В текстах заговоров от детского ночного плача, содержащих призывы, адресованные помощникам-целителям, «забрать недуги и унести их в дальние края», слово *щекотун* опять входит в ряд названий симптомов болезненного детского плача: *ревун*, *дённый рык*, *ночной вой*, *писк*, *визг*, *крик*; например: «Батюшка овин, возьми с моего младенца *щекотун* и *ревун* [то есть плач / крик], а ему дай сон и угомон»⁸⁰.

По поводу мифологического мотива щекотания можно предварительно обозначить следующую географию его распространения в пределах восточнославянской территории. Поскольку это вредоносное по отношению к людям действие считается у восточных славян главным опознавательным признаком русалок, для установления географии распространения этого мотива принципиально важно наблюдение Д. К. Зеленина о том, что для севернорусских русалок этот стереотип поведения не характерен⁸¹. Этот вывод подтверждается и более поздними полевыми записями из севернорусских областей⁸², а также выводами специалистов о том, что функция щекотания не характерна для севернорусских демонологических персонажей⁸³. Слабо выражен этот мотив и в характеристиках русалки северных районов Белоруссии (Поозерье, Полоцкий р-н Витебщины). Единичные свидетельства о щекочущих русалках находим лишь в Витебском районе этой же области⁸⁴. По мере продвижения на юг нарастает количество данных об этой демонологической функции; ср. белорусские гродненские свидетельства о *русалках-казытках*, щекочущих своих жертв⁸⁵. О достаточно высокой степени популярности изучаемого мотива в Полесье мы уже говорили. Практически повсеместно на Украине бытовали поверья о пристрастии русалок к щекотанию людей. На карте распространения южнорусских поверий о том, что русалка щекочет людей, составленной О. Ю. Титовой, этот мотив зафиксирован в следующих областях: Калужская, Тульская,

⁸⁰ Власова М. Н. Русские суеверия. С. 570; Русские заговоры и заклинания. С. 63–64.

⁸¹ Зеленин Д. К. Избранные труды... С. 198.

⁸² Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / сост. О. А. Черепанова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. С. 144–149.

⁸³ Власова М. Н. Русские суеверия. С. 13.

⁸⁴ Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып. 2. Ч. 1: Народная проза беларусаў Падзвіння / уклад., прадм. і паказ. У. А. Лобача. Наваполацк: ПДУ, 2011. С. 82–86.

⁸⁵ Federowski M. Lud białoruski... S. 75–76, № 218–222.

Орловская, Курская, Белгородская, Рязанская, Липецкая, Воронежская, Тамбовская, Пензенская, Саратовская⁸⁶. А в составе характеристик других мифологических персонажей (прежде всего лешего) мотив щекотания ярче всего представлен в восточных районах южнорусской этнокультурной зоны⁸⁷ и в Нижегородском Поволжье⁸⁸.

Еще дальше на юго-востоке европейской части восточнославянской зоны мотив вредоносного щекотания соотносится с женским образом *лобасты* или *албасты* (Астраханская губ., Пермский край, Терская область), которая описывается как высокая страшного вида баба с непомерно большой грудью, закинутой на плечи. Характерной особенностью ее поведения является щекотание до смерти своих жертв (руками или сосками отвисшей груди)⁸⁹. По свидетельству этнографов конца XIX в., русские старообрядцы, живущие в станицах по течению реки Терек, не имеют никаких представлений о русалках и леших, но наподобие русалки представляют себе лобасту – мифическую женщину большого роста с огромными, закинутыми за спину грудями; она хватает людей и щекочет их своими сосками⁹⁰. Считается, что в русские говоры мифоним *албаста* проник как тюркское заимствование⁹¹.

В свое время польский этнограф К. Мошиньский, пытавшийся определить зону распространения мотива щекотания, отметил, что он практически не встречается в мифологии Западной Европы, в то время как у народов Кавказа и Средней Азии целый ряд персонажей (в том числе «албасты») наделен этой функцией⁹². Таким образом, рассматриваемый мотив в целом не характерен для севернорусской мифологической традиции, слабо представлен в севернобелорусских и западнорусских верованиях, активно функционирует в полесских и украинских поверьях, существенно усиливается в южнорусской мифологии, особенно частотным является в поверьях Нижегородского Поволжья.

⁸⁶ Титова О. Ю. Ареальное исследование... С. 216.

⁸⁷ Там же. С. 83.

⁸⁸ Мифологические рассказы и поверья... С. 48, 73, 85, 101, 103, 203, 337.

⁸⁹ Зеленин Д. К. Избранные труды... С. 147, 212, 217–218; Власова М. Н. Русские суеверия. С. 12–14.

⁹⁰ Рогожин Т. Нечто из верований, поверий и обычаев ст. Червленной Кизлярского отдела Терской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 16. Тифлис: Типография Канцелярии Главногоначальствующего Гражданской частью на Кавказе, 1893. С. 63.

⁹¹ СРНГ. Вып. 1. С. 233.

⁹² Moszyński K. Kultura ludowa Słowian. Warszawa: Książka i Wiedza, 1967. T. 2: Kultura duchowa. Cz. 1. S. 627.

Еще один вариант щекотания как вредоносной мифологической функции может быть рассмотрен на примере поверий о ласке, щекочущей домашний скот.

3. ЩЕКОТАНИЕ КАК ДЕЙСТВИЕ МИФОЛОГИЗИРОВАННЫХ ЖИВОТНЫХ, НАПРАВЛЕННОЕ НА ДОМАШНИЙ СКОТ

Рассказы о ласке, мучащей по ночам корову или лошадь щекоткой, от которой те становятся мокрыми от пота, встречаются в Полесье чаще всего в восточной его части (Гомельская, Черниговская, соседние районы Брянской обл.) и несколько реже – в западной (Брестская, Ровенская, Житомирская обл.)⁹³. Щекотание ласки в основном передается глаголами *ласкотать*, *лоскотать* и их фонетическими вариантами *слакотать*, *шлокотать*, *шэлектать* (ср. также брест. *шэлкотать*, сумск. *колошкать* – о щекотании русалки). В Гомельской, Брянской, Житомирской и Ровенской обл. щекотание скотины приписывается либо ласке и домовому (хлевнику), либо домовому в облике ласки, либо ласке, отождествляемой с домовым, вплоть до наименования ее *домовиком*. Ср. севернорусские представления о ласке как мифологизированном животном, также наделяемом функциями домового: в Архангельской обл. *ласка*, или *суседко*, – это домовый (Вилегодский р-н), он (*ласка*, м. р.) следит, чтобы скотина не болела (Вельский р-н); в Вологодской обл. *лаской* называют домового – *дедушка-соседушка* (Верховажский р-н) или считают, что зверек *ласка* обращается в домового – в *дворовушка* (Усть-Кубинский р-н); на северо-востоке Костромской обл. гривы коням, по поверьям, заплетает либо *ласка* (зверек или мифологизированное существо), либо *суседко*, либо *кикимора* (Вохомский р-н)⁹⁴. Демонологизацией и представлением об опасности зверька ласки для скота вызваны его табуистические, часто задабривающие наименования вроде укр.-закарпат. *мынька* («кошка, киска»), болг. диал. *хубавичка* («красавица»), *царева невеста*, н.-луж. *knjeniŝka* («барышня») и мн. др., в том числе рус. *ласка*⁹⁵. Интересно, что в отдельных селах гомельского Полесья ласку, как

⁹³ Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. С. 241.

⁹⁴ Словарь говоров Русского Севера... Т. 7. С. 31; Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (Екатеринбург).

⁹⁵ Карпатский архив Института славяноведения РАН (Москва), Закарпатье, Пилипец Межгорск., XIII.3, зап.: С. Е. Бушкевич, Е. Л. Чеканова; *Чучка П.* Прізвіща закарпатських українців. Історико-етимологічний словник. Львів: Світ, 2005. С. 382; Гура А. В. Символика животных... С. 206, 208.

и русалку, называют *казытка*, то есть щекотка⁹⁶, а с другой стороны, русалку, щекочущую людей, представляют себе иногда в виде маленького черного зверька наподобие кошки (с которой, кстати, нередко сравнивают и ласку), но с «руками, як у чулувіка»⁹⁷. Ср. также русское диалектное наименование русалки *ластивочка*, сходное с названиями ласки⁹⁸. За пределами Полесья материал о щекочущей ласке с такой полнотой, как о русалке, не собирался. Известно только, что поверья о ласке (*ласточке*) или о домовом в облике ласки, щекочущем морду коня, известны на Украине шире. Так, в Харьковской обл. ласку (*ласточку*) считают «домовым» или «дворовой хозяйкой» и верят, что она может защекотать скотину, если та не одной с ней масти – «не по двору»⁹⁹. У белорусов на северо-востоке Могилевской обл. существует представление о ласке, которая бегает по спине и по брюху коня и *щчыкочыць* его лапами¹⁰⁰. По рассказам жителей Нижегородского Поволжья, ласка щекочет лошадей «под мышками» или домовый, называемый лаской, садится на спину теленку и щекочет его¹⁰¹. Выше по Волге, в Костроме, в начале XX в. в каждой пожарной команде держали козлов – считалось, что они оберегают лошадей от ласки, которая щекочет их и путает их гривы¹⁰². Поверье о ласке, иногда до крови щекочущей лошадь или корову, известно на северо-востоке Костромской обл. (в Павинском районе), на юге Архангельской обл. (в Вельском районе)¹⁰³. Встречается оно и на западе Русского Севера: по словам информанта из Мурманской обл., но родом из Водлозера Пудожского р-на Карелии, ласка (*ластоцка*) *щекотит* коня¹⁰⁴.

К щекотанию близки другие действия, сходные у русалки и ласки, – щипать, скрести (царапать, чесать, драть) и кусать. Их близость подтверждается языковыми данными, ср., например, том. *почипать* ‘пощипать, пощекотать’; смол. *щекотать* ‘скрести’; сев.-рус. *кабайтать*

⁹⁶ Мозырский р-н, Буйновичи, Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны. [Ч. 2] // Беларуская мова і мовазнаўства. Міжвузаўскі зборнік. Вып. 4. Мінск: Выдавецтва БДУ імя У.І. Леніна, 1976. С. 194; ЭСБМ. Т. 4. С. 95.

⁹⁷ Полесский архив, Лельчицкий р-н, Стодоличи, зап.: Т. И. Рудницкая.

⁹⁸ Без указания места; СРНГ. Вып. 16. С. 281.

⁹⁹ Муравський шлях – 97: Матеріали фольклорно-етнографічної експедиції / упор. Красиков М., Олійник Н., Осадча В., Семенова М. Харків: ХДІК, 1998. С. 227, 230.

¹⁰⁰ Мстиславский р-н, Ходосы, зап. А. В. Гуры.

¹⁰¹ *Виноградова Л. Н., Добровольская В. Е.* Щекотать... С. 589.

¹⁰² *Колгушкин Л. А.* Воспоминания // Костромская земля. Краеведческий альманах Костромского общественного фонда культуры. Вып. 5. Кострома: Костромской обществ. фонд культуры, 2002. С. 91.

¹⁰³ Лексическая картотека Топонимической экспедиции УрФУ (Екатеринбург); Словарь говоров Русского Севера... Т. 7. С. 31.

¹⁰⁴ *Черепанова О. А.* Мифологическая лексика... С. 140.

‘царапать, щекотать’; псков., твер. *гнести* ‘сдавливать, чесать, щекотать’; кур. *ощекотать* ‘обклевать, обжесть (о птицах)’, чеш. *oštěchtati* ‘обклевать, обкусать, обгрызть’¹⁰⁵. Щипание относится к ласке не прямо, а опосредованно, через ее роль домового, охранительницы дома и скота, в которой она выступает у славян. По поверью крестьян Владимирской губ., домовый мог защекотать и защипать насмерть того, кто осмеливался лечь спать на его «лежанку» над входом в подполье возле русской печи¹⁰⁶. Ср. также лужицкого кобольда (домового духа-обогатителя), который, по народным представлениям, щипал и сбрасывал с постели спящих, если ему не давали есть; кроме того, кобольд в виде ласки мог причинить вред хозяевам и их скоту¹⁰⁷. Ласка или домовый чешут, скребут против шерсти, дерут шерсть у скотины, которая им не по нраву. В Полесье ласка «дере корову», «облупит всю шерсть» (Черниговская обл.), «шкрабе» ее (Гомельская обл.), «скубёт шэрсть», «шкрэбае, як кут лапамы» (Брестская обл.). В Калужской обл. домовый «скребет против шерсти» корову или лошадь, если они «не по двору». Аналогичные рассказы о домовом записаны в Купянском уезде Харьковской губ., в Шенкурском р-не Архангельской обл., в Кемском р-не Карелии¹⁰⁸. Оппозиция «скрести – скользить» лежит в основе малопольского обычая класть за пазуху лягушку, чтобы не бояться щекотки¹⁰⁹. Слабее отражены в мифологических представлениях укусы ласки, вызывающие у коровы опухоли и порчу молока. Известно, что гуцулы отмечали день св. Власа, чтобы ласки не кусали скот¹¹⁰. Возможно также, что укусами ласки мотивировано одноименное с ней название рыжей осы *lasëca* у кашубов¹¹¹. Злокозненные действия ласки по отношению к скоту или же домового в образе ласки, поверья о котором распространены на русском Северо-Западе, распространяются далее на финно-угорскую языковую территорию. Так, в Ингерманландии домовый *tšärppä* (называемый горностаем, ближайшим родственником ласки) описывается как птица с черно-белыми крыльями, которая взбирается на спину корове, истязает ее и пьет с нее пот¹¹².

¹⁰⁵ СРНГ. Вып. 6. С. 239; Вып. 12. С. 279; Вып. 25. С. 101; Вып. 31. С. 15; Вып. 39. С. 332.

¹⁰⁶ Переяславский уезд; СРНГ. Вып. 6. С. 335.

¹⁰⁷ *Černy A. Istoty mityczne Serbów Łużyckich*. Warszawa: Drukarnia Rubieszewskiego i Wrotnowskiego, 1901. S. 23, 26.

¹⁰⁸ *Гура А. В. Символика животных...* С. 243–244.

¹⁰⁹ Санокский пов.; *Гура А. В. Символика животных...* С. 390.

¹¹⁰ *Цивьян Т. В.* К мифологическому обоснованию одного случая табу: ласка (*Mustela vulgaris*) // Проблемы славянской этнографии: К 100-летию со дня рождения Д. К. Зеленина. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. С. 191, прим. 12.

¹¹¹ Sychta. T. 3. S. 9.

¹¹² *Honko L. Geisterglaube in Ingermanland*. Helsinki: Suomalainen Tiedeakat, 1962. P. 284.

У восточных славян как ласке, так и домовому приписывается еще одно действие, более распространенное, чем щекотание, – заплетание в виде косы гривы, а иногда и хвоста лошадям. В Полесье записано много подобных рассказов о ласке или домовом духе, а изредка также о черте. В соседнем Подлясье и западнее на польской территории состав персонажей, плетущих гриву, расширяется за счет зморы или мары (имеющих иногда облик белки или кошки) в восточной Польше и в Мазовше, карликов-краснолюдков – в гданьском Поморье и богинок – на юго-востоке Малопольши. У южных славян в Далмации, Боснии и Герцеговине плетение грив считалось занятием вил, в Болгарии – самодив, то есть персонажей, наиболее близких к русалкам и богинкам. В Полесье зафиксировано единичное такое свидетельство о русалках: «Русалка заплетает косы – ци ана жэньшчына, ци ана шо. Ци ана з валшэбникаў скидаеца посьли сваей смерти, ета ужэ я не знаю. Заплете лошадь, если любить ана её, и так лоўко, так красиво, што чалавек не спяте. А есьли не наравицца [лошадь], буде аж шум [то есть пена] стаять на ём, так ганяе. И сароку вешали у сарае ат русалки» (Гомельская обл., Петриковский р-н, Комаровичи, зап. А. В. Гуры). На Украине в Харьковской губ. верят, что гривы лошадям заплетает домовый, в центральной правобережной Украине и у белорусов Гродненской губ. – черт, в центральной Белоруссии (в Смолевичском р-не Минской обл.) – ласка. На великорусской территории заплетание (завивание, спутывание) грив постоянно связывается с домовым или дворовым, в том числе (особенно в северных районах) в виде ласки: в Курской, Воронежской, Брянской, Тульской, Владимирской, Новгородской, Костромской, Вологодской (Кадуйский, Сокольский, Кирилловский р-ны), Архангельской (Виноградовский, Мезенский р-ны), Свердловской областях¹¹³.

Если щекотка и подобные ей действия русалки по отношению к людям однозначно воспринимаются как губительные и безальтернативные, то те же действия по отношению к скоту ласки или домового, тоже оцениваемые как вредоносные, могут меняться на положительные в зависимости от отношения этих мифологических персонажей к тому или иному животному, вызванного подбором его масти. В рассказах информантов такое отношение повсеместно выражается словами *любит* или *не любит*. Так, русалка, «як не злобе (чи злобе), може залоскотати, лоскоче – поки залоскоче» (Харьковская обл., Валковский

¹¹³ Гура А. В. Символика животных... С. 224–227; Черепанова О. А. Мифологические рассказы... С. 24. № 79, С. 28. № 111–113; Лексическая картотека Топонимической экспедиции УрФУ (Екатеринбург); Словарь говоров Русского Севера... Т. 7. С. 31.

р-н)¹¹⁴. Ласка же щекочет, дерет шерсть лишь у той скотины, которую она невзлюбила: «*Не любе*, дак буде ласкатаць скацину» (Гомельская обл., Добрушский р-н, Дубровка, зап. А. В. Гуры). А поллюбившуюся скотину гладит, чешет ей шерсть до блеска – *любыть, ласкае, дружить, гуляе* с ней. Отношение ласки к коню напоминает любовное ухаживание: «Ласовица *любыть* каня», плетет гриву тому, «каторага она *любыть*» (Белостоцкое воев., Вежхлесе, зап. А. В. Гуры); «Ласица гуляе зь им, па ём лази. И ана яму и гриву заплете. *Злюбила* ана таго каня и зь им гуляе» (Гомельская обл., Мозырский р-н, Барбаров, зап. А. В. Гуры). «Ластоцка <...> видать, *любит* лошадь, что косы заплетает» (Карелия, Водлозеро)¹¹⁵. Белорусский хлевник, подобно ласке, взлохмачивает шерсть нелюбимой скотине, скручивает гривы и хвосты в колтуны, отталкивает нелюбимую скотину от корма и переносит его к любимцам¹¹⁶.

Выше мы отмечали связь между ласканием и щекоткой, базирующуюся на этимологическом родстве **laskati* и **laskotati*. Оба действия приписываются ласке, но и название самого зверька, табуистическое по происхождению, тоже этимологически относится к ним. Созвучие слов в мифологических, фольклорных и прочих культурных контекстах способно прояснять забытые, утраченные языком связи, оживляя так называемую этимологическую память слова¹¹⁷. Фонетическая близость наименования зверька *ласка* и лексики, характеризующей в традиционных представлениях его нрав, поведение и действия по отношению к человеку за учтливое, задабривающее обращение к нему (пол. *laskawy* ‘доброжелательный, приветливый, ручной’, *lasić się* ‘ластиться’¹¹⁸) и к скоту (*ласкать* и *ласкотать*), проясняет этимологическое родство всех этих слов, связанных в конечном итоге с **laska* ‘ласка, нежность’¹¹⁹.

Среди действий, приписываемых ласке, имеется еще одно – гладить, тесно связанное по смыслу с ласканием: ласка гладит поллюбившуюся ей скотину. Значение ‘ласкать’ во многих славянских языках сопутствует основному значению глаголов, восходящих к **gladiti*¹²⁰. Особенность мифологических текстов заключается в том, что они «монтируются»

¹¹⁴ Муравський шлях – 97... С. 275.

¹¹⁵ Черепанова О. А. Мифологическая лексика... С. 140.

¹¹⁶ Васілевіч У. Хлеўнік // Беларуская міфалогія. Энцыклапедычны слоўнік. Мінск: Беларусь, 2004. С. 533.

¹¹⁷ Трубачев О. Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 1. С. 89–90.

¹¹⁸ Гура А. В. Символика животных... С. 200, 202, 245.

¹¹⁹ ЭССЯ. Т. 14. С. 36–41.

¹²⁰ Там же. Т. 6. С. 114–115; о пол. *glaskać* ‘гладить, ласкать’ см.: Там же. Т. 16. С. 82.

из отдельных элементов, которые могут вступать в разные сочетания друг с другом¹²¹, как, например, субъекты и объекты щекотания (щекочет человека и русалка, и домовый, но и русалка может щекотать русалку). В Полесье ласка *любит*, *ласкает* и *гладит* скотину одной с ней масти; у русских домовый *гладит* скот, который ему «по двору» (Воронежская, Смоленская, Новгородская губ., Архангельская обл.), а также *гладит* шерстистой лапой спящего хозяина, что в Костромской губ. считалось добрым предзнаменованием. То же действие (*гладить*) применяется у белорусов Гродненской губ. и по отношению к самому домовому духу-обогатителю: хозяева держат его за печкой и гладят. А в Слуцком уезде действия, характеризующие ласку и домового, совершали по отношению к скоту хозяева: гладили и ласкали (*гладзяць* и *лашчаць*) коров на Рождество, чтобы они были гладкие и хорошо велись¹²². На Мезени о таких же действиях хозяева просят домового, когда приводят в дом новую скотину: «Дедушко-доможирушко, *полюби* мою скотинушку, *люби* своей дорогой *ласкоточкой*, *гладь* своей золотой лапочкой»¹²³. Сюда же можно добавить еще одно действие домового (хлевника) по отношению к скоту неверно подобранной масти, втянутое в это семантическое поле по созвучию его названия с *ласкать* и *лоскотать*, но этимологически не связанное с ними, – бел. *ляскаць* ‘щелкать кнутом’¹²⁴: хлевник живет в хлеву, мучит по ночам лошадей, которые ему не под масть, в руках носит кнут – пугу и часто ею *ляскает*¹²⁵. Таким образом, в различных локальных традициях одни и те же действия (и созвучные им по названию) характеризуют определенный круг персонажей (хозяина, домового, ласку, скот), которые могут выступать в одних случаях в качестве субъекта, в других – в качестве объекта действия.

Глаголу *щекотать* в его основном значении омонимичен глагол *щекотать*, обозначающий звуки, которые издают птицы и некоторые другие животные. Обычно семантически эти глаголы разделяют, считая, что этимологически объединение их затруднительно¹²⁶. Так или иначе, но семантически они взаимодействуют, и пересечений между ними достаточно (ср., например, созвучные южнославянским соответствиям

¹²¹ См.: Гура А. В. Лунные пятна: способы конструирования мифологического текста // Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика текста. М.: Индрик, 2006. С. 460–484.

¹²² Гура А. В. Символика животных... С. 243–245.

¹²³ Черепанова О. А. Мифологические рассказы... С. 89.

¹²⁴ ЭССЯ. Т. 15. С. 166–167.

¹²⁵ Гура А. В. Символика животных... С. 242–243.

¹²⁶ Фасм. Т. 4. С. 500.

к рус. *щекотать*, буковин. *скоготати*, *скиготати* ‘щекотать’ и бел. *скагатаць*, *скигатаць* ‘визжать’). Если сравнить спектр диалектных значений звукоподражательных глаголов, имеющих то или иное отношение к щекотанию как щекотке и как щёкоту (*щекотать*, *щекáтить*, *щекáть*, *лоскотать*, *стрекотать* и т. п.), то мы обнаружим у них три группы значений: связанных с говорением (болтать без умолку, пустословить, громко и резко говорить, ругаться), с различными видами шумов (шуметь, трещать, щелкать бичом, стучать зубами, лязгать) и с криками животных и птиц (щебетать, стрекотать, чирикать, каркать, лаять, пищать). Каково направление развития этих значений, сказать трудно, поскольку есть разные примеры такой семантической деривации (ср., например, архангел., олонец. *говорить* ‘о птицах: петь, щебетать, каркать и т. п.’ и кашуб. *gigotac* ‘гоготать (о гусях)’, ‘болтать, молотъ вздор’¹²⁷).

Звукоподражательный глагол *щекотать* используется в русской культурно-языковой традиции для передачи пения или крика разных птиц. Так, в фольклорных текстах он характеризует щебет ласточки: «*Щекотала* ластунюшка на заре» (Дон)¹²⁸. Ласточка, название которой родственно названию ласки, наделяется иногда, подобно ей, функцией покровителя дома и скота. Сходным образом передается, особенно в народных песнях, пение жаворонка: «Жавролёночек, он по поднебесью летает, / Жалобнехонько он *щекотает*» (Олонецкая губ.)¹²⁹ и *щёкот* соловья: «Как соловьюшка *защекотывал*, / Красны девушки заигрывали» (Уфимская губ.); «*Защектал* он по-соловьиному» (Олонецкая, Курская губ.); «Соловьюшка *защелокчет*, / Молоденький защелокчет» (Орловская губ.)¹³⁰. В свадебной песне из слободы Трехизбянской Харьковской губ. со смешанным украинско-русским населением щекотание соловья обозначает клевание (хватание клювом) как поэтическую метафору поцелуя: «Салавей калину *щекатал*, / А Михайлушка Марьюшку целавал»¹³¹. *Щекочут* (то есть чирикают) также воробей (в песне из Вологодской губ.: «Сел воробей на трепягу, / Стал воробей *щекотати*») ¹³² и кукушка, птица из отряда воробьиных (архангел.)¹³³. Так же иногда передается

¹²⁷ СРНГ. Вып. 6. С. 256–257; Sychta. Т. 1. S. 318.

¹²⁸ Там же. Вып. 11. С. 284.

¹²⁹ Там же. Вып. 3. С. 195.

¹³⁰ Там же. Вып. 11. С. 196.

¹³¹ Слобода Трехизбянская // Этнографический сборник, издаваемый Имп. Русским географическим обществом. СПб.: Типография Э. Праца, 1858. Вып. 3. С. 10.

¹³² СРНГ. Вып. 45. С. 49.

¹³³ Словарь говоров Русского Севера... Т. 4. С. 245.

и курлыканы журавлей: *щокочут* (костром.)¹³⁴. *Щекотуньей* и *щекоткой* часто называют и стрекочущую сороку¹³⁵. С ней сравнивают тараторящую без умолку женщину: «Защекотала, как сорока» (ярослав.)¹³⁶. Стрекотание сороки передается глаголом *щекотать* во многих русских говорах¹³⁷. С лаской и с ласточкой сороку, имеющую черно-белую окраску, связывает поверье о том, что, пробегая или пролетая под коровой, эти белобрюхие животные вызывают появление крови в молоке: их светлое брюшко символизирует белое молоко, а темная спина, обращенная к вымени, когда они находятся под коровой, – красную кровь¹³⁸. Кроме того, убитую сороку вешают в хлеву в качестве оберега и от ласки, и от домового. Белорусский хлевник, по поверьям, не переносит не только убитую, но и живую сороку, когда та стрекочет на крыше хлева, выдавая тем самым его присутствие, и приходит в ярость, срывая гнев даже на любимой скотине¹³⁹. Ср. также существовавшие в Кадниковском уезде Вологодской губ. поверья о стерегущем клады злом духе *щекотуньей* в облике сороки, которая *щекочет*, и о кладах, выходящих из земли в виде различных белых животных, в том числе горностаев, которые своим внешним видом и окраской меха (зимой – белой) очень напоминают ласку¹⁴⁰. О связи гусяного гоготания с щекотанием мы уже говорили выше. Весьма отдаленную связь с *лоскотать* ‘щекотать’ имеет бел. *ляскатаць* ‘трещать клювом (об аисте)’, восходящий, как полагают, к интенсиву **leskotati* (как преобразованию вследствие сингармонизма глагола **laskotati*)¹⁴¹. Глаголы, относящиеся к этой группе, имеют значения громкого говорения и различных резких звуков, из которых белорусскому наименованию треска аистинного клюва наиболее близко лязганье зубами (ср. чеш. морав. *leškotať* ‘стучать зубами’). К этому же гнезду относят и производное укр. *ліскотуха* ‘иволга’¹⁴².

Среди диких зверей опосредованное отношение к щекотанию имеют два близких родственника ласки из того же семейства куньих – куница

¹³⁴ Лексическая картотека Топонимической экспедиции УрФУ (Екатеринбург).

¹³⁵ Ярославский областной словарь / науч. ред. Г. Г. Мельниченко. [Вып. 1–10]. Ярославль: ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1981–1991 (далее – ЯОС). С. 84; Даль. Т. 4. С. 653.

¹³⁶ ЯОС. Вып. 4. С. 114.

¹³⁷ ССГ. Вып. 11. С. 165; *Дуров И. М.* Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. С. 449; СРНГ. Вып. 13. С. 92; Вып. 17. С. 339.

¹³⁸ *Гура А. В.* Символика животных... С. 247–248.

¹³⁹ *Васілевіч У.* Хлеўнік. С. 534.

¹⁴⁰ *Гура А. В.* Символика животных... С. 202, 242, 557–558.

¹⁴¹ ЭССЯ. Т. 14. С. 136.

¹⁴² Там же.

и хорь. В украинских говорах ровенского Полесья для передачи голоса куницы, сравниваемого с сорочьим, используется глагол *стрикотати*: «Куница стрикоче, як сорока» (Сарненский р-н)¹⁴³. Несмотря на то, что имеются примеры передачи щекотания глаголами *стрекать* и *стреко-тять*, это глагол звукоподражательный, однако в нем можно видеть аллюзию, отсылающую к щекотанию как занятию ласки.

Мотив щекотания, характерный для ласки и домового, метафорически распространяется на хоря – на издаваемый им скрипучий звук, который лексически передается глаголом *щекотать*¹⁴⁴. Это опять-таки отсылает нас к характерным занятиям ласки и домового по отношению к скоту, тем более что хорьки, подобно ласке, считаются распорядителями двора¹⁴⁵. Севернорусские названия, общие для нечистого духа, черта и ласки в роли домового – *шшиш*, *шшишко*, *шшишок*, *шешка* и т. п., – встречаются и в качестве названия хоря.

Любопытно, что на периферии ареала представлений о щекочущей русалке встречаются некоторые весьма причудливые контаминированные мифологические персонажи. Один из них – русалка в виде кузнечика. Стрекотание кузнечика передается звукоподражательными глаголами смолен. *щекотать*¹⁴⁶ и ярослав. *щековать*¹⁴⁷. В польском Подлясье, в районе Белостока, кузнечика приписывают некие демонические свойства, которые соотносят его с русалкой. Так, в с. Тополяны Белостоцкого пов., чтобы дети не ходили в жито, их пугают сидящими там кузнечиками («Кóзачки зяленые ў жыци скачуць, якбы куза́ки, якбы коник польны»), подобно тому, как в других местах их пугают русалкой в жите. Говорят: «Кóзачки там скачуць, та укусиць!» (зап. А. В. Гуры). В с. Вежхлесе Сокульского пов. детей пугают русалкой: «Не йдзеце, дзеци, ў жыта, там русаўка!» Ее представляют себе либо как существо «з длугими валасами и з хвастом», которое «лапае дзяцей», либо как кузнечика: «Муси, козачка зялёна, коник» (зап. А. В. Гуры). Для зоны белорусско-подлясского пограничья характерны «козьи» названия щекотания (подляс. *kozytać*, гроднен. *казыта́ць*, *казытка*) и такие же названия кузнечика (подляс. *koza*, *kozka*, *кóзачка*, гроднен., брест. *казулька*, *казель*, *казялок*, *козлик* и т. п.), сходные с наименованием русалки *казытка* (ср. также

¹⁴³ Аркушин. Т. 2. С. 180.

¹⁴⁴ Даль. Т. 4. С. 606, 653.

¹⁴⁵ Черепанова О. А. Мифологическая лексика... С. 140.

¹⁴⁶ ССГ. Вып. 11. С. 165.

¹⁴⁷ ЯОС. Вып. 10. С. 83.

рус. диал., без указания места, *мáвка* «кузнечик, житничек домовый»¹⁴⁸). Нельзя исключать здесь также роль балтийского субстрата: для литовцев Восточной Пруссии, соседнего с Подлясьем региона, характерно было особое отношение к кузнечику, о чем свидетельствует приводимое К. Мошиньским сообщение Эрхардта Вагнера (начало XVII в.), который с удивлением отмечал то «религиозное» почитание, с которым относились литовцы к этим насекомым¹⁴⁹.

На противоположной периферии ареала, в Медвежьегорском р-не Карелии, зафиксировано поверье о *хоре* – мифическом существе в облике большой рыбы, которая может бегать по земле, особенно утром по росе¹⁵⁰. В этом гибридном образе соединились представления о водяной русалке с рыбьим хвостом и о хоре как близком родственнике ласки, с которой его роднят в том числе и функции дворового, а также, возможно, и поверья о собирании росы как способе отбирания молока, который приписывается некоторым мифологическим персонажам.

Что касается ареального аспекта, трудно пока точно определить, как географически соотносятся между собой функции щекотания у русалки и ласки. Можно лишь констатировать их совмещение в двух зонах – Полесья и Верхнего Поволжья, а южнорусскую зону, где образ ласки ближе к образу домового, скорее всего, следует исключить. В языковом отношении к названиям щекотки параллельно выстраивается ряд звукоподражательной глагольной лексики, служащей для передачи звуков, связанных с человеческой речью, криками животных, резкими шумами, производимыми людьми, и т. д. По-видимому, существует некое взаимное притяжение между глагольными итеративами со значением интенсивного способа действия, относящимися, с одной стороны, к тактильной сфере, а с другой – к звуковой, акустической. Аналогичную картину можно наблюдать и в народной традиции, где мотив щекотания создает корреляцию между сильным физическим раздражением, которое ощущают люди и скот в результате неустанно повторяющихся действий мифологических персонажей (демонов и животных), и слуховым восприятием неугомонных, часто раздражающих криков и звуков животного происхождения, которыми наделяются фольклорные и некоторые демонологические персонажи.

¹⁴⁸ СРНГ. Вып. 17. С. 287.

¹⁴⁹ *Moszyński K.* Kultura ludowa Słowian. S. 550; *Гура А. В.* Символика животных... С. 517–518.

¹⁵⁰ *Черепанова О. А.* Мифологическая лексика... С. 16, 140.

Литература

- Беларуская міфалогія. Энцыклапедычны слоўнік / навук. рэд. С.І. Санько. Мінск: Беларусь, 2004. С. 533–534.
- Буйських Ю. С. «Колись русалки по землі ходили...». Жіночі образи української міфології. Харків: Клуб сімейного дозвілля, 2018.
- Виноградова Л. Н., Добровольская В. Е. Щекотать // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С. 588–589.
- Власова М. Н. Русские суеверия. Энциклопедический словарь. СПб.: Азбука, 1998.
- Галайчук В. Українська міфологія. Харків: Клуб сімейного дозвілля, 2016.
- Гнатюк В. Нарис української міфології. Львів: Інститут народознавства НАНУ, 2000.
- Гура А. В. Лунные пятна: способы конструирования мифологического текста // Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика текста / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2006. С. 460–484.
- Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997.
- Добровольская В. Е. Щекотка: культурные смыслы и правила (по материалам Центральной России) // Антропологический форум. 2011. № 14. С. 268–289.
- Етимологічний словник української мови: в 7 т. / редкол. О. С. Мельничук (головний ред.) та ін. Київ: Наукова думка, 1982–. Т. 1–.
- Зеленин Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии. М.: Индрик, 1995. Вып. 1: Умершие неестественной смертью и русалки.
- Клімчук Ф. Д. Заходнепалескія русалкі // Праблемы ўсходнеславянскай этналінгвістыкі. Матэрыялы Першай міжнароднай навуковай канферэнцыі. Памяці этналінгвіста-славіста акадэміка Расійскай, Македонскай і Аўстрыйскай акадэміі навук Мікіты Талстога да 80-годдзя з дня нараджэння / уклад. В. Ліцьвінка. Мінск: БДУ, 2003. С. 217–225.
- Козинцев А. Г. Об истоках антиповедения, смеха и юмора (Этюд о щекотке) // Смех: истоки и функции / под ред. А. Г. Козинцева. СПб.: Наука, 2002. С. 5–42.
- Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья / сост. К. Е. Корепова, Н. Б. Хромова, Ю. М. Шеваренкова. СПб.: Тропа Троянова, 2007.
- Померанцева Э. В. Межэтническая общность поверий и быличек о полуднице // Славянский и балканский фольклор. Генезис. Архаика. Традиции / отв. ред. И. М. Шептунов. М.: Наука, 1978. С. 143–158.
- Самоделова Е. А. Русалки в Центральной России // Palaeoslavica. Vol. 15. № 1. Cambridge, 2007. P. 260–274.
- Титова О. Ю. Ареальное исследование мифологических представлений русских Центрального Черноземья (конец XIX – нач. XXI в.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2015.

- Трубачев О. Н.* Труды по этимологии. Слово. История. Культура. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 1.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986–1987. Т. 1–4.
- Черепанова О. А.* Мифологическая лексика Русского Севера. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1983.
- Черепанова О. А.* Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / сост. О. А. Черепанова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996.
- Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1974–. Т. 1–.
- Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / уклад.: І. І. Лучыц-Федарэц, Г. А. Цыхун, Н. С. Шакун; гал. рэд. Г. А. Цыхун. Мінск: Навука і тэхніка : Беларуская навука, 1978–. Т. 1–.
- Baranowski B.* W kręgu upiorów i wilkołaków. Łódź: Wydawnictwo Łódzkie, 1981.
- Černý A.* Istoty mityczne Serbów Łużyckich. Warszawa: Drukarnia Rubieszewskiego i Wrotnowskiego, 1901.
- Honko L.* Geisterglaube in Ingermanland. Helsinki: Suomalainen Tiedeakat, 1962.
- Moszyński K.* Kultura ludowa Słowian. Warszawa: Książka i Wiedza, 1967. Т. 2: Kultura duchowa. Cz. 1.
- Pelka L. J.* Polska demonologia ludowa. Wrocław: Iskry, 1987.
- Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1971–1973. Knj. 1–3.

References

- Baranowski, B., 1981. *W kręgu upiorów i wilkołaków*. Lodz: Wydawnictwo Łódzkie.
- Buis'kykh, Iu. S., 2018. “*Kolys' rusalki po zemli khodyly...*” *Zhinochi obrazy ukrains'koi mifolohii* [“Once upon a time rusalki walked the earth...” Female Images of Ukrainian Mythology]. Kharkiv: Klub simeinoho dozvillia.
- Cherepanova, O. A., 1983. *Mifologicheskaia leksika Russkogo Severa* [Mythological Vocabulary of the Russian North]. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo un-ta. (in Rus.)
- Cherepanova, O. A., ed., 1996. *Mifologicheskie rassказы i legendy Russkogo Severa* [Mythological Stories and Legends of the Russian North]. Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterburg. un-ta. (in Rus.)
- Černý, A., 1901. *Istoty mityczne Serbów Łużyckich*. Warsaw: Drukarnia Rubieszewskiego i Wrotnowskiego.
- Dobrovól'skaia, V. E., 2011. *Shchekotka: kul'turnye smysly i pravila (po materialam Tsentral'noi Rossii)* [Tickling: Cultural Meanings and Rules (Based on Materials from Central Russia)]. *Antropologicheskii forum*, 14, pp. 268–289. (in Rus.)
- Gura, A. V., 1997. *Simvolika zhivotnykh v slavianskoj narodnoi traditsii* [Animal Symbolism in the Slavic Folk Tradition]. Moscow: Indrik. (in Rus.)

- Gura, A. V., 2006. Lunnye piatna: sposoby konstruirovaniia mifologicheskogo teksta [On the methods of constructing a mythological text: Slavic folk beliefs regarding the spots of the moon]. In: Tolstaia, S.M., ed., 2006. *Slavianskii i balkanskii fol'klor. Semantika i pragmatika teksta* [Slavic and Balkan folklore. Semantics and Pragmatics of the Text]. Moscow: Indrik, pp. 460–484. (in Rus.)
- Halaichuk, V., 2016. *Ukrains'ka mifolohiia* [Ukrainian Mythology]. Kharkiv: Klub simeinoho dozvillia. (in Ukr.)
- Hnatiuk, V., 2000. *Narys ukrains'koi mifolohii* [Sketch of Ukrainian Mythology]. Lviv: Instytut narodoznavstva NANU. (in Ukr.)
- Honko, L., 1962. *Geisterglaube in Ingermanland*. Helsinki: Suomalainen Tiedeakat.
- Klimchuk, F. D., 2003. Zakhodnepaleskiiia rusalki [West Polesie Rusalki]. In: Lits'vinka, V., ed., 2003. *Prablemy uskhodneslavianskai etnalinhvistyki. Materyialy Pershai mizhnarodnai navukovai kanferentsyi. Pamiatsi etnalinhvista-slavista akademika Rasiiskai, Makedonskai i Austriyskai akademii navuk Mikity Talstoia da 80-hoddzia z dnia naradzhennia* [Problems of East Slavic ethnolinguistics. Materials of the first international scientific conference. In Memory of the Ethnolinguist-Slavist Academician of the Russian, Macedonian and Austrian Academies of Sciences Nikita Tolstoy on the Occasion of His 80th Birthday]. Minsk: BDU, pp. 217–225. (in Belarus.)
- Korepova, K. E., Khromova, N. B., Shevarenkova, Iu. M., eds, 2007. *Mifologicheskie rasskazy i pover'ia Nizhegorodskogo Povolzh'ia* [Mythological Stories and Beliefs of the Nizhny Novgorod Volga Region]. Saint Petersburg: Tropa Troianova. (in Rus.)
- Kozintsev, A. G., 2002. Ob istokakh antipovedeniia, smekha i iumora (Etiud o shchekotke) [On the origins of antibehavior, laughter and humor]. In: Kozintsev, A.G., ed., 2002. *Smekh: istoki i funktsii* [Laughter: Origins and Functions]. Saint Petersburg: Nauka. (in Rus.)
- Mel'nychuk, O. S., et al., eds, 1982–2012. *Etymolohichnyi slovnyk ukrains'koi movy. V 7 t.* [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language. In 7 vol.]. Kiev: Naukova dumka. Vol. 1–6. (in Ukr.)
- Moszyński, K., 1967. *Kultura ludowa Słowian*. Warsaw: Książka i Wiedza. Vol. 2: Kultura duchowa, part 1.
- Pełka, L. J., 1987. *Polska demonologia ludowa*. Wrocław: Iskry.
- Pomerantseva, E. V., 1978. Mezhetnicheskaiia obschnost' poverii i bylichek o poludnitse [Interethnic Community of Beliefs and Stories about Poludnitsa (Lady Midday)]. In: Sheptunov, I. M., ed., 1978. *Slavianskii i balkanskii fol'klor. Genezis. Arkhaika. Traditsii* [Slavic and Balkan Folklore: Genesis. Archaism. Traditions]. Moscow: Nauka, pp. 143–158. (in Rus.)
- Samodelova, E. A., 2007. Rusalki v Tsentral'noi Rossii [Rusalki in Central Russia]. *Palaeoslavica*, XV (1), pp. 260–274. (in Rus.)
- San'ko, S. I., ed., 2004. *Belaruskaiia mifalohiia. Entsyklapedychny slounik* [Belarusian Mythology. Encyclopedic Dictionary]. Minsk: Belarus'. (in Belarus.)

- Skok, P., 1971–1973. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti. Vol. 1–3.
- Titova, O. Iu., 2015. *Areal'noe issledovanie mifologicheskikh predstavlenii russkikh Tsentral'nogo Chernozem'ia* [Areal Research of Mythological Representations of the Russians of the Central Black Earth Region (late XIX – early XXI Century)]. Dis... kand. ist. nauk. The RAS N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology. (in Rus.)
- Trubachev, O. N., ed., 1974–. *Etimologicheskii slovar' slavianskikh iazykov. Praslavianskii leksicheskii fond* [Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Fund]. Moscow: Nauka. Vol. 1–. (in Rus.)
- Trubachev, O. N., 2004. *Trudy po etimologii. Slovo. Istoriia. Kul'tura*. [Writings on Etymology. Word. History Culture]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury. Vol. 1. (in Rus.)
- Tsykhun, H. A., Luchyts-Fedarets, I. I., Shakun, N. S., eds, 1978–. *Etymalahichny slounik belaruskai movy* [Etymological Dictionary of the Belarusian Language]. Minsk: Navuka i tekhnika, Belarускаia navuka. Vol. 1–. (in Belarus.)
- Vasmer, M., 1986–1987. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Progress. Vol. 1–4.
- Vinogradova, L. N., Dobrovol'skaia, V.E., 2012. *Shchekotat'* [Tickle]. In.: Tolstoi, N. I., ed., 2012. *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar' v 5 tomakh* [Slavic Antiquities. Encyclopedic Dictionary in 5 Volumes]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, vol. 5, pp. 588–589. (in Rus.)
- Vlasova, M. N., 1998. *Russkie sueverii. Entsiklopedicheskii slovar'* [Russian superstitions. Encyclopedic Dictionary]. Saint Petersburg: Azbuka. (in Rus.)
- Zelenin, D. K., 1995. *Izbrannye trudy. Ocherki russkoi mifologii* [Selected Writings. Essays on Russian Mythology]. Moscow: Indrik. Vol. 1: *Umershie neestestvennoi smert'iu i rusalki* [Dead Unnatural Deaths and Rusalki]. (in Rus.)